

ЦЕЛЮЮ ВАС КРЕПКО, ОБНИМАЮ ВСЁ МОЕ ЗОЛОТОЕ, СЛАВНОЕ ПРИМОРЬЕ

И ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ

В настоящей статье на основе ограниченного набора документов (личных писем, рассказов современников, фотографий) предпринята попытка рассмотреть жизнь и творчество нашего земляка, поэта-фронтовика Георгия Михайловича Корешова (1913-1943), человека редкого литературного дара и обаяния.

26 мая 1943 г. во фронтовом госпитале от тяжелой раны умер рядовой Великой Отечественной – известный поэт-дальневосточник Георгий Корешов.

Он родился 14 ноября 1913 г. накануне Первой мировой на острове Русский в семье младшего офицера 33-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Его отец, Михаил Федорович Корешов, окончив подпоручиком Санкт-Петербургское Владимирское военное училище, отправился служить в Тифлис, позже переехал во Владивосток. Человеком он был привлекательным и неординарным, на досуге писал стихи и прозу, любил почитать, повозиться с маленьким Георгием. В 1914 г. Михаил Корешов ушел на фронт, он был начальником пулеметной команды, воевал геройски, дослужился до чина капитана, получил контузию, в сырых окопах сильно простудился, но оставить фронт не захотел, хотя военный врач отсылал его в тыл. 6 апреля 1917 г. Михаил Корешов тихо скончался в ялтинском санатории, оставив сиротами 27-летнюю супругу Нину Николаевну и 4-летнего сына Георгия.

Образованная, начитанная Нина Николаевна Корешова, мать Георгия, была его первым учителем и критиком, подлинным другом и мудрым советчиком, непререкаемым авторитетом и почитателем таланта. Четверть века Нина Николаевна прослужила в библиотеке ДВПИ, завершив карьеру в должности замзава библиотеки. Заботливую корректную Н.Н. Корешову прекрасно знали, уважали и помнили бывшие студенты Политехнического и многие известные владивостокцы. Например, писатель Лев Николаевич Князев, в 1941 году учившийся в ДВПИ. В книге Ю.И. Трифонова-Репина «Альма-матер. Политехнический от Восточного института к Федеральному университету» на страницах, посвященных библиотеке ДВГТУ написано о самоотверженном труде библиотекарей университета, *«внимательных и скромных библиотечных работников старшего поколения: Е.И. Дорошенко, Н.Н. Корешовой, М.И. Игнатенко, А.В. Савченко, А.Д. Фатеевой и др.»*.

Гордая, независимая, 73-летняя Нина Корешова в 1963 г., сурово написала краеведу Г. Пермякову (перед этим она отправила ему некоторые материалы, фото Г. Корешова): *«Пожалуйста, очень прошу, никаких денег мне не посылайте. Я получаю пенсию, ее мне вполне хватает».*

До 1928 г. семья жила на Абрекской, *«через овраг была четырехклассная школа»*, потом Георгий перешел в школу от ДВПИ на Пушкинской (ныне школа № 9). Мальчик занимался в драмкружке, увлеченно читал приключенческую литературу (Купер, Лондон, Грин, Дефо, Свифт), в его архиве сохранилась повесть Я. Рыкачева «Надежда Дурова», значит, будущему поэту была интересна судьба этой странной, одинокой, мужественной и загадочной женщины. Корешовы жили трудно, можно представить себе, как выживала семья царского офицера в 20-30-е гг., Нина Николаевна зарабатывала шитьем и вязанием, давала уроки игры на фортепиано. Любящая мама позволила завести Георгию собаку – фокстерьера по кличке Леди, у Корешовых жили кролики, а когда мальчик подрос, появилась серьезная охотничья собака. *«Дух непокорности и безграничного свободолюбия, - мятежный дух предков, аборигенов Дальнего Востока, владеет мной и часто является причиной неприятностей. Таков уж я с детства».* Наверняка, он не был прилежным учеником, есть смутные подозрения, что в 7-м классе Георгия оставили на второй год (*«оказавшись на повторительном курсе 7 класса»*), 15-летний подросток был *«нанят 10 июля 1928 г. на работу постоянную: на неопределенный срок. Разноска газет по адресам»* в газету *«Красное знамя»*. В 2-3 часа утра шустрый Жорка, так называли его друзья, легко просыпался (будила мама), и спешил на Эгершельд, там был его рабочий район. В 8-9 утра возвращался голодный, усталый, довольный. Мальчик чувствовал себя взрослым. Через год он сделал карьеру, любопытный, не по годам развитый, умный Георгий продвинулся по службе – стал учеником корректора. Сидячая работа досаждала, было невыносимо деятельной, озорной, охочей до знаний натуре, весь день вычитывать тексты, у любознательного Жорки были совсем другие приоритеты. Фантазер и выдумщик, он видел себя капитаном грозного судна, следопытом, вольным бродягой, полярником, репортером, поэтом (сочинять он начал еще в школе первой ступени). Его кумиры: Г.И. Невельской (сохранились главы из неопубликованной рукописи о нем), *прославленный российский адмирал В.С. Завойко («любя страну, он перед целым светом явил отвагу русских моряков»)*, В.К. Арсеньев (дважды *«видел неповторимого автора «Дерсу Узала» в жизни»* и посвятил ему стихи; вот, где он мог увидеть Арсеньева? Может быть в школе, куда писатель-

путешественник приходил с рассказом по истории Уссурийского края или на улице 1-го Мая, 4 - в ОИАК можно было записаться на арсеньевскую экскурсию?). Тысячи образов теснились в мальчишистой голове Георгия, парень много читал, дружил с писателем-ученым Трофимом Борисовым, не исключено, что был знаком с творчеством солидных дальневосточных современников-литераторов (Н. Асеев, С. Алымов, А. Богданов, П. Далецкий, В. Лидин, С. Диковский).

В марте 1930 г., оставив тихую интеллигентную работу, на пароходе Совторгфлота «Вьюга» 17-летний Георгий, неугомная душа, сбежал в свое первое плавание. «Морскому щенку», выросшему у *беспокойной синей воды* портового города, море дарило ощущение свободы и радости, он обожал *«холодный соленый ветер, звонкие морские брызги и крутую тайфунную жуть»*. *«Океан его был другом старым, грозным, ласковым и дорогим»* (он и плавал как дельфин). Море и стихи – две его самых глубоких слабости-страсти. И еще преданная, какая-то щемящая, любовь к Владивостоку, о котором не переставал думать до последних дней жизни. *«По доброй воле (если бы не война) никогда бы не променял родной Владивосток на все места, где мне пришлось бывать в этот год, хотя встречалось очень много интересного и красивого»*.

До 1933 г. *включительно* он работает на судах Совторгфлота Дальгосрыбтреста. Возможно, во время одного из рейсов матрос Жорка Корешов подружился с матросом Сашей Никулиным, также наделенным любовью к изящной словесности. Влюбчивый, импозантный, романтичный Александр Никулин сделал неплохую журналистскую карьеру, в 1938 г. стал членом только что созданной приморской группы Дальневосточного отделения Союза советских писателей. В соавторстве, Г. Корешов и А. Никулин, написали рассказ «Когда свирепствовал «Норд-ост», очерки «Патриот Приморья» (о Т.М. Борисове) и «Следопыт уссурийских дебрей» (о В.К. Арсеньеве). Это было жуткое время, но оба литератора-друга *«обнажив головы»* почтили память писателя и ученого В.К. Арсеньева. Вспомнили его кипучую многогранную деятельность, помечтали о мемориальной доске на фасаде дома № 7 по Производственной улице, где жил ученый.

Первый свой печатный рассказ «Чайво-мару» 20-летний Георгий Корешов опубликовал в молодом иркутском журнале «Будущая Сибирь». В Иркутске жила семья тети, сестры матери, он ездил к ней, а оттуда, из Иркутска, по железной дороге в Ленинград. Где-то под Ленинградом находилось родовое гнездо отца, может быть, Георгий навещал или искал своих родственников?

Сюда, в Ленинград, спустя несколько лет, настойчиво звал его друг детства Серафим Гнездилин: «...Здесь, именно здесь, Георгий – горлан приморских берегов, тебе место. Все остальные города, в том числе и Москва, по сравнению с ним (Ленинградом) ничего не стоят. Здесь именно для твоей души фантазера всё...».

В отделе редкой книги и рукописей ПКПБ им. А.М. Горького сохранилась пухлая папка довоенных газетных публикаций Г. Корешова (очерки, фельетоны, рассказы, юморески, заметки). Его герои : охотники, капитаны, читатели библиотеки, студенты, строители, колхозники, пчеловоды, телефонистки, управдомы – счастливые граждане молодой страны Советов. У Георгия был свой почерк, он умел самостоятельно думать, найти изюминку, сочную метафору, разглядеть красоту там, где ее не было. Советские дальневосточники, мечтатели и бессребреники, в реалиях жестких 30-40-х гг. смотрятся сегодня, как живые: строгая девушка-старпом с волосами цвета кофейной гущи, поразившая пожилого матроса, «*окрыленный бегун*» (стайер) Станислав Пржевальский, молодая учительница из Занадворовки Калерия Мелехова, суровые пограничники, астраханские рыбаки-переселенцы, задорные хетагуровки, мамы-депутаты, счастливые дошколята у новогодней елки... Довольно интересно читается его художественная проза, в основном посвященная теме гражданской войны и морского товарищества, например, мне, лично импонирует сознательный экипаж «Сивуча» из «Непридуманных обстоятельств».

В 1937 году Георгий поступил корреспондентом и редактором литературных передач во Владивостокскую радио-редакцию. Находилась она во Дворце труда на 1-й Морской. Современникам запомнился один из его ранних эфиров - творческий вечер с местными литераторами: поэтами В. Афанасьевым, А. Артемовым, А. Гаем и прозаиками А. Никулиным и А. Фетисовым. Первый радиожурналист и первый штатный директор Приморского радио Леонид Зельцман, лично знавший поэта, удивлялся, каким образом ему, человеку слабого здоровья, хромоту, «*нога его была непоправимо искалечена*», удалось уйти добровольцем на фронт? Есть смутные подозрения, что ногу Георгий мог повредить в начале 30-х на «Томске». Судно попало в аварию, его долго снимали с мели, потом тащили на буксирах во Владивосток. Если предположить, что во время своего последнего боя Георгий был ранен в большую ногу, то, в общем, понятно, почему врачи не смогли его спасти. (Но это не факт, возможно беда с ногой случилась в другое время).

В 37-м он узнал трудное личное счастье, ему явилась Любовь: *«со мной случился мрачный казус на почве «лирического» свойства, основательно запьянствовал, за что был уволен»*. После вынужденной отставки, пришлось поработать подручным вулканизатора в мастерской, месяц выдержал экспедитором, был грузчиком в 1-м районе Владивостокского торгового порта. Крепкий на вид, с большими нескладными, поросшими рыжими волосками руками и чуткой ранимой большой душой поэта, ворочая пудовые мешки, Георгий обдумывал начало новой поэтической жизни. Удалось вернуться в газету. **Уцелел** пропуск от 16 сентября 1940 г., выданный Народным комиссариатом внутренних дел г. Владивосток для временного проживания корреспондента газеты «Красное знамя» Георгия Корешова в Хабаровске. В Хабаровске, помимо основной, репортерской, работы, он успевал заскочить к Пете Комарову, поговорить с Дмитрием Нагишкиным, попросить «советы по стихам» у квалифицированного филолога (по первому образованию) Сергея Феокистова.

У него неплохо получалась проза, но ему снились стихи: *«это – моя самая большая и волнующая радость»*, научиться писать стихи, достойные *«нашего великого времени»*. Он тщательно оттачивал каждое слово, строку, много раз переписывал, проговаривал вслух, чтобы услышать ритм и музыку стиха, искал точные обороты и новые слова и когда видел, что получалось, читал маме и жене, друзьям (и требовал критики). Он учил наизусть чужие хорошие стихи - Виктора Гусева, Анну Ахматову, Александра Блока, возможно, проштудировал «Основы стиховедения» Валерия Брюсова. Он был одержим поэзией. Мама Нина Николаевна свидетельствовала: в такие моменты он ничего не слышал и не замечал, *«ходил по комнате, что-то тихо напевал и в такт размахивал рукой, писал в любое время дня и ночи»*. Георгий осознал, что он - поэт и стихи его интересны миру. Корешовские «Песни моряка» в 1939 г. напечатала «Молодая гвардия». После этой публикации в Свердловской области, в городе Серов, вдруг обнаружился целый народный ансамбль поклонников. Участница ансамбля, студентка медицинского техникума Н. Миклина зимой 1940 г., в письме к нему, сообщила, что его стихи понравились *«правдивостью, красочностью и простотой языка»*, некоторые - коллектив переложил на музыку, и она исполняет их и имеет успех. Георгий очень впечатлился, горячо поблагодарил за искреннее пожелание плодотворной работы, девушка в ответном письме рассказала о себе, из переписки сохранилось лишь несколько писем, была ли она продолжительной – неизвестно. Солидный московский журнал «Смена» поместил подборку стихов Г. Корешова

«Тюмень-Ула», а основательный, толстый «Новый мир» написал о нем доброжелательную рецензию. Поэт Илья Фаликов назвал Георгия Корешова одним из первых в советской поэзии певцов моря. Про синий рейд Золотого Рога, желтые отмели Скрыплева, солнце, греющее бухту Диомид, трубящие прямо в небо дома, и людей, которые добрее и смелее Бога, мог написать редкий романтик, рожденный только во Владивостоке.

Он был привлекательный мужчина, это видно по сохранившимся фотографиям, голубоглазый, золотоволосый, выше среднего роста, Нина Николаевна, мама, подчеркивала, что он очень похож на отца. Франтоватый поэт любил шляпы, выучился курить трубку (трубка должна быть непременно прямой!), рубашки, костюмы и пальто шила мама, цвета поэт любил темные: синий, черный, а рубашки обязательно светлые и белые. Ходил Георгий быстро, размашисто, а стопу для мужчины имел маленькую, 40-го размера. Недавно в архиве писателя Василия Кучерявенко, дружившего с Корешовым, нашелся довоенный снимок: Георгий рядом с неизвестным, в клетчатом теплом полупальто и темной кепке, задумчиво, как будто чувствуя близкий уход и прощаясь, смотрит в объектив камеры.

В начале июня 1941 г. Георгия отправили на учебные сборы в Комсомольск-на-Амуре. Армейский быт тяжел и мучителен для поэта, ранний подъем (без десяти пять), в 22.00 - отбой, неудобная несытая жизнь, а он был лакомка (сахар и конфеты его маленькая слабость), почти не было книг, кроме зачитанных газет. Духовный голод одолевал. *«Скучно здесь здорово, не то, что во Владивостоке. Ну, да ничего – выполняю свой долг перед Советским Союзом»*. Все дни были заполнены до предела занятиями и учебой, но он находил время *«для писания стихов»*. *«Муза волнует меня неизменно»*. *«Тысячи образов теснятся в моей голове, я ощущаю на языке вкус новых рифм, метафор и сравнений, изумительных и зрелых»*. У него планы, новые темы, мечта о большой *«поэме эпического порядка»*. Культурного Георгия коробило «ефрейторско-солдатское остроумие», он «не привык, чтобы попирали, гнули, пинали». Спасали, берегли мысли о маме, жене, дочке, уютном домашнем тепле, интеллигентных друзьях-литераторах. Поэт выступал перед бойцами в летучих концертах художественной самодеятельности. Успевал писать для армейской газеты агитационные и оборонные стихи: бил врага своим оружием – словом! Перечитал обнаруженных в местной библиотеке Горького, Бунина, Николая Тихонова, вспоминая маму - библиотекаря абонемента: *«вот бы мне сейчас раздолье забраться в тишину, уют, теплоту твоей библиотеки!»*. Замечал красоту окрестной природы *«нахожусь в местности почти оригинальной прелести –*

среди гор Южного Урала. Они чертовски напоминают мне родные приморские сопки». Нашлись ценители его таланта среди бойцов, едва знакомый однополчанин хранил в кармане гимнастёрки популярные «Письмо» и «Дозор», младший командир (сержант), после чтения корешовских новинок, попросил переписать «Девушку в шинели». Хабаровское радио передавало его стихи, что тоже было отмечено боевыми товарищами: *«ребята говорили неплохо».* Георгий следил за литературной жизнью Приморья и требовал, требовал подробностей: звонил ли Б. Чиквиладзе, *«Вахов Толя, чтоб писал»*, *«Что нового у Никулиных»*, где Иван Степанов, А. Гай, С. Бытовой, Попов, Федя Бровкин, С. Баляскин?? Журналисты «Красного знамени», «Боевой вахты», писатели, радиокомитетчики (близкие друзья, приятели, знакомые), встречая Шуру во Владивостоке, *«частенько спрашивали, где Георгий, дайте его адрес».* А он по-хорошему завидовал Твердякову и Кучерявенко: *«они и служат и уж конечно имеют возможность заняться литературой».*

Немец-фашистов Георгий ненавидел генетически: *«Я должен отомстить им за папу».* Это одна из причин, по которой поэт стал добровольцем. Патриотизм был одним из главных нравственных принципов его жизни. *«Я бодр и готов выполнить свой долг перед народом, Родиной, своим Владивостоком, своей семьей».* Воевал он геройски и в полный голос рассказывал о боевых товарищах – бронебойщике Желтикове, политруке Зиновьеве, младшем лейтенанте Щекочихине, истребителях танков Бурове, Камчаткине, Шишалко, отдавших свои жизни ради жизни других. Стрелки его батальона в 43-м стояли насмерть на подступах к Астрахани, сдерживая 16-тысячную, элитную немецкую дивизию «Бурый медведь». Военная специальность Георгия – автоматчик. Автоматчики всегда были на острие удара, врываясь с танками в боевые порядки противника, зачищая траншеи, сея панику внезапным автоматным огнем. В армии Георгий возмужал, закалился, огрубел, от запаха крови больше не кружилась голова, но всё же, всё же в душе он оставался тем же нежным, ранимым, воспитанным строгой мамой-дворянкой, застенчивым ребенком. Его командир, политрук Федор Михайлович Молчанов специально приезжал во Владивосток после войны, чтобы познакомиться с родными Георгия Корешова и друзьями. Так поразил его этот почти мальчик, стеснительный тихий человек, мужественный воин и настоящий поэт: *«он очень скромно себя держал, такой скромный, донельзя скромный, держался просто, может быть немного скованно, он читал стихи о Приморье, о Владивостоке...».* С Молчановым на местном

телевидении беседовал журналист, осталась запись на магнитной пленке, требующая расшифровки.

«На боку котелка и на болотной кочке», вспоминая родной Владивосток, страдая и волнуясь, пылко писал любимой женщине *«скоро ли я буду шагать по его улицам, под руку со своей маленькой, хорошенькой женой. Стих «Звезды» — это о тебе. Счастье там – это счастье быть с тобой вместе».* Кареокая, несравненная, страстная, волнующая, маленькая рыжая шалунья – жена Шура. Он бесконечно тосковал и ревновал, слал *«горячие автоматические приветы от бойца автоматчика и приморского пиита»,* требовал ответных писем, а их всё не было, потому что плохо работали *«почтовые мерзавцы».* *«Как часто вспоминаю о доме – беззаботно с тобой сижу на диване, у репродуктора – льется танцевальная музыка, тепло, не хватает мне тебя...».* С Шурой можно было поговорить о серьезных вещах, обсудить исследование Е. Тарле о Наполеоне, *разобрать творчество Дени Дидро,* помечтать о будущем. Александра Пустовая, несмотря на хрупкость и воздушность, была женщиной практической, имела специальность бухгалтера, *«деловая у меня бабенка»,* в начале войны выучилась токарно-слесарному делу, чтобы не умереть с голоду завела кур, огород на Луговой и как все городские женщины была занята на оборонных работах. Маленькая Леда, дочь Шуры, оставалась дома одна, закрытая на замок, папочка переживал: *«Ледуся без присмотра».* Георгий обожал девочку, *«маленькая балеринка», «шейте ей красивые платья», «научилась ли писать и читать»?* Беспокоясь за Нину Николаевну, просил жену чаще ее навещать. (Женщины жили в одном доме на Матросской, 10). Хрупкая пожилая мамочка, родная душа, оставленная без его заботы, со скудным жалованьем библиотекаря, нашла возможность помогать армии (шила кисеты, теплые рубашки, вязала носки и рукавицы), *«горжусь твоим поступком»,* - написал сын и посвятил ей стихотворение *«Письмо».* Нина Николаевна и Александра Кирилловна, мать и жена, были не очень дружны, *«дичитесь друг друга»,* - огорчался Георгий, но остаток жизни прожили вместе, в полученной от города двухкомнатной квартирке на Красного знамени, 31. Леда Корешова вышла замуж, переехала в Холмск, родила сына и дочь. Александра Кирилловна после войны съездила в *«Уральск – «мало симпатичный равнинный городишко, пыльный и грязный, весной чем-то напоминающий Уссурийск им. Ворошилова»,* в 1942 г. там находился Георгий, нашла и списала номер автомата, которым он был вооружен и защищал Родину.

9 февраля 1943 г. при взятии города Ростов-на-Дону Георгий Корешов получил тяжелое осколочное ранение в голень левой ноги (с повреждением

большой берцовой кости). Три последних месяца жизни он провел в госпитале, медики спасали не только ногу, они лечили его от серьезных сопутствующих заболеваний, *«сколько я пережил, сколько вытерпел за время ранения»*, ему было очень больно, страшно и одиноко, но когда наступало облегчение, и он вновь обретал надежду жить - писал родным : *«жду выздоровления, чтобы с великой беспощадностью истреблять, мять, бить поганых фашистов»* и трогательно : *«думаю о вас постоянно»*.

А родные верили, любили, надеялись, ждали его дома: *«возвращайся любим, может быть без ноги, это чепуха по сравнению с возможностью жить – жить, когда любишь жизнь, а ты ее любишь крепко»*.

Нет, не прощай, а до свиданья!

Скажи, к чему такая грусть?

Когда наскучат мне скитанья,

Я в тот же день к тебе вернусь.

Лишь тот в печали, кто не верит,

Что встреча будет впереди.

Закрой, смеясь, за мною двери

И с легким сердцем друга жди...

Тело поэта осталось лежать в земле, где воевал и умер от ран, а душа вернулась туда, где ей полагается быть и смотрит с небес, на родной Владивосток, где недолго жил и был счастлив.

Хотелось бы закончить статью на позитивной ноте. И она есть. В 2020 г . в Москве в издательстве «Российская газета» вышла книга Дмитрия Шеварова «Ушли на рассвете. Судьбы и стихи : 25 молодых поэтов погибших во время Великой Отечественной». Наш Георгий Корешов включен в мартиролог, среди других 120 имен поэтов. «Этот поминальный список – быть может, самое важное, что есть в моей книге», - сказал автор.

1. Трифонов-Репин, Ю. И. Альма-матер. Политехнический от Восточного института к Федеральному университету
2. Ушли на рассвете. Судьбы и стихи : 25 молодых поэтов во время Великой Отечественной / авт.-сост. Д. Шеваров
3. ПКПБ им. А. М. Горького. Фонд Корешова Георгия Михайловича
4. ПКПБ им. А. М. Горького. Фонд Крившенко Сергея Филипповича
5. ПКПБ им. А. М. Горького. Фонд Кучерявенко Василия Трофимовича
6. Хисамутдинова, Н. В. Говорит Владивосток : дела и люди Приморского радио: монография